

Научная статья
УДК 81'42
doi: 10.17223/15617793/478/4

Тактика эмоционального усиления аргументации в письменном научно-гуманитарном дискурсе

Татьяна Николаевна Савчук¹

¹ Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь, tatyana.s77@list.ru

Аннотация. Рассмотрена тактика эмоционального усиления аргументации как элемент стратегической организации дискурса гуманитарных наук. На материале русскоязычных научных статей выявлены и систематизированы приемы, реализующие данную тактику на структурном, вербальном и метатекстовом уровнях, раскрыт их прагматический потенциал, определены условия их эффективного использования в письменной научно-гуманитарной коммуникации. Сделан вывод, что тактическая целесообразность аргументативных действий, эмоционально усиливающих аргументацию, обусловлена степенью соответствия этих действий рациональным критериям оценки качества научного обоснования и нормам гуманитарного дискурса.

Ключевые слова: аргументация, эмоционально-ценностное воздействие, тактика эмоционального усиления аргументации, структурное усиление, вербальное усиление, метатекстовое усиление, научно-гуманитарный дискурс

Для цитирования: Савчук Т.Н. Тактика эмоционального усиления аргументации в письменном научно-гуманитарном дискурсе // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 478. С. 30–43. doi: 10.17223/15617793/478/4

Original article
doi: 10.17223/15617793/478/4

The tactic of emotional amplification of argumentation in the written discourse of the humanities

Tatiana N. Savtchouk¹

¹ Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus, tatyana.s77@list.ru

Abstract. The aim of the article is to reveal the specifics of the implementation of the tactic of emotional amplification of argumentation in the written discourse of the humanities. The research is carried out on the material of Russian-language articles on sociology, psychology, cultural studies, linguistics, journalism, published in peer-reviewed academic journals for 2001–2019. Methodologically, the work is related to convergent theory, which ensures the integration of descriptive and normative dimensions of argumentation using qualitative analytical methods: description, functional-semantic, contextual and propositional analysis. The tactic of emotional amplification of argumentation involves the choice of communicative speech actions that actualize the emotional dominant of message perception. According to the results obtained, in the written discourse of the humanities, this cognitive attitude is realized at three levels: structural, verbal, and metatextual. Structural amplification of argumentation is associated with conceptual amplification and provides for a special construction of reasoning using the techniques of manipulating with concepts: emphasizing key concepts; creating a certain emotional evaluating background of the discourse; contrasting concepts. At the verbal level, emotional amplification of argumentation is embodied in two sub-tactics: psychological accentuation and para-argumentation. The techniques of psychological accentuation include the following: use of expressions with the meaning of evidence, reliability of a fact (knowledge) that convey categorical confidence; use of quantifiers with meaning of “general” and intensive words; expansion of standard argumentative verbalizers by intensifying lexemes; activation of language forms of negation; contact use of modal predicates, as well as semantically close or equivalent verbs in different temporal modes; selection of pragmatically strong verbs with argumentative semantics; use of authorized constructions that include various means of verbal amplification. The methods of para-argumentation are speech actions using rhetorical means, primarily metaphors (especially conceptual ones), as well as irony/sarcasm. Metatextual amplification of argumentation is achieved with graphic accentuation, which are typographic means (font emphasis) and techniques of expressive graphics (as a rule, exclamation constructions with appropriate punctuation). The maximum amplification of argumentation is provided by the syncretic use of structural, verbal, and metatextual means. The author concludes that the effectiveness of the tactics of emotional amplification of argumentation in the written discourse of the humanities depends on how much the speech actions that implement this tactic are consistent with rational criteria for evaluating the quality of scholarly justification and comply with the institutional norms of scholarly communication.

Keywords: argumentation, emotional-evaluating influence, tactic of emotional amplification of argumentation, structural amplification, verbal amplification, metatextual amplification, scientific and humanitarian discourse

For citation: Savtchouk, T.N. (2022) The tactic of emotional amplification of argumentation in the written discourse of the humanities. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 478. pp. 30–43. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/478/4

Постановка проблемы

Коммуникативно-прагматический подход к исследованию аргументации фокусирует внимание на динамическом (процессуальном) аспекте этого многомерного лингвокогнитивного феномена. Актуализируется понимание аргументации как интеллектуально-коммуникативной деятельности, производимой в определенном социокультурном контексте и нацеленной на убеждение адресата в истинности (приемлемости) обосновываемого положения, «на устранение разницы во мнениях с адресатом» [1. Р. 38]. При этом подчеркивается когнитивная природа аргументации, воздействующий эффект которой предполагает изменение ментального состояния реципиента, его модели мира. Ключевую роль в этом процессе играет «внутренняя когнитивная карта мира», находящаяся в сознании человека в виде «убеждений, ценностей, установок, языка, воспоминаний и других психологических фильтров». Отсюда следует, что изменению эмоций, реакции, мышления адресата сообщения должно предшествовать изменение его внутренней когнитивной карты [2. С. 7–8].

Функционирование описанного механизма аргументативной деятельности обеспечивает ее тактико-стратегическая организация – иерархическая система когнитивно-коммуникативных действий трех уровней, концептуализируемых как аргументативная стратегия (общая линия аргументативного поведения, определяемая прагматической установкой аргументатора); аргументативная тактика (стратегически мотивированное коммуникативное действие); аргументативный прием (способ построения высказывания/текста, реализующий определенную тактику) [3. С. 146].

Специалисты сходятся во мнении, что аргументация по-разному проявляется в различных областях социокультурного взаимодействия (см., напр.: [4–8]). На основании этого можно полагать, что специфика стратегического уровня аргументирования (характер аргументативных действий, принципы их отбора) детерминирована определенным типом дискурсивной практики. Отсюда необходимость изучения процедуры аргументативного воздействия («стратегического дизайна» аргументации, по выражению Ф.Х. ван Еемерена и П. Хоутлоссера [9]) в многообразных форматах дискурса.

На решение этой важной задачи нацелены разного рода лингвориторические и лингвокогнитивные исследования (обзор см. в [3. С. 23–36]), привлекающие к рассмотрению аргументативной деятельности такие критерии, как ситуативность, интерактивность, целесообразность, убедительность, эффективность и др. (см., напр.: [10–14]). Заметим, что в русскоязычном сегменте лингвистической аргументологии прагмати-

чески ориентированные исследования представлены, в основном, квалификационными научными работами, находящимися в рамках риторики и стилистики¹. Процедура обоснования изучается в различных коммуникативных контекстах, чаще всего – политическом, юридическом, публицистическом, реже привлекается материал научных (преимущественно технических) текстов.

Стратегический дизайн гуманитарного научного дискурса, аргументативного по своей сути, до сих пор оставался вне поля зрения ученых, что стимулировало наш интерес к данному исследовательскому объекту. Особенно актуальным представляется изучение в аргументологическом аспекте научной статьи как основной формы интеллектуально-коммуникативного взаимодействия представителей гуманитарного сообщества. Положение об аргументативной природе научного дискурса дает основание утверждать, что надежные критерии описания и оценки научно-гуманитарной продукции (в частности статьи) невозможно получить без анализа представленной в научном тексте аргументации [15].

Методология и материал исследования

Важно отметить, что современные аргументологические исследования принципиально междисциплинарны. Это означает, что необходимым условием продуктивности анализа аргументации служит объединение методологических возможностей различных интеллектуальных областей. Так, исследования, проводимые в русле аргументативной лингвистики (именно к таким принадлежит данная статья) предполагают привлечение знаний смежных когнитивных наук (в частности, логики, психологии), а также применение актуального лингвофилософского методологического инструментария (положения о диалектике объективного и субъективного в познавательной и коммуникативной деятельности, о гносеологическом своеобразии гуманитарного познания, о диалектической связи языка и мышления, о воздействующем потенциале всякого использования языка, о социокультурной детерминированности вербальной коммуникации и др.).

В нашем понимании лингвистическая теория аргументации представляет собой систему научных идей, отражающих различные аспекты аргументативного дискурса: структурный, концептуальный, вербальный, логический, прагматический. Все эти аспекты так или иначе вовлекаются в лингвистический анализ аргументации. Очевидно, что доля и степень выраженности каждого из них коррелируют с потребностями конкретного исследования (специфика темы, объем проблемы, характер цели и задач). При этом методологической константой анализа аргументации, как «когни-

тивной универсалии» [3. С. 51]), выступает когнитивный подход. Он служит основой, с которой вариативно сочетаются иные аналитические компоненты.

Когнитивно-прагматическое исследование аргументации в письменном дискурсе гуманитарных наук позволило нам построить ее динамическую модель, которая, будучи частью конвергентной концепции аргументации (см.: [3, 16]), отражает закономерности стратегической организации научно-гуманитарной аргументативной практики.

Тактико-стратегические ресурсы научной коммуникации многообразны. Очевидно, что способы их систематизации определяются параметрами деления, которые, в свою очередь, зависят от методологических предпосылок исследования. В соответствии с конвергентной теорией, если в качестве исходного таксономического критерия принять доминирующий канал убеждающего воздействия (рациональный/эмоциональный) и учитывать ценностную природу обоснования в гуманитарных науках (см., напр.: [17–19]), то в результате можно выделить две аргументативные макростратегии: рационально-ценностного и эмоционально-ценностного воздействия [3. С. 159–160]. Правомерность такого деления основывается на положениях программных лингвистических работ, сформировавших фундамент антропоцентрической парадигмы. В частности, Ш. Балли, высказывая идею естественного проявления в коммуникации «рассудка и чувств», выступающих «в самых различных пропорциях», утверждает, что с точки зрения практического исследования «каждый речевой факт обладает... логической или эмоциональной доминантой»; ее выявление предполагает ответ на вопрос, «выражает ли данный речевой факт прежде всего идею или прежде всего чувство» [20. С. 182–183]. Проблема взаимосвязи рационального и эмоционального в аргументативном дискурсе, неизменно актуальная для теории аргументации, рассматривается, например, в: [10, 12, 14, 21, 22].

В зоне нашего внимания – стратегия эмоционально-ценностного воздействия. Одним из способов ее реализации служит тактика эмоционального усиления аргументации, которая и является объектом данного исследования. Номинация указанной тактики, будучи (как и всякий термин) условным образованием, согласуется с общепринятыми положениями, а именно: 1) убеждающее воздействие осуществляется в двухканальном режиме; 2) интенсивность каждого из каналов (рационального/эмоционального) не является величиной постоянной.

Цель статьи – раскрыть специфику коммуникативного воплощения названной тактики в письменном дискурсе гуманитарных наук, иными словами, прояснить, каким образом ментальная установка на эмоциональное усиление аргументации реализуются в научно-гуманитарной коммуникативной практике.

Для этого необходимо: выявить и систематизировать приемы, подчиненные данной тактике; установить их прагматический потенциал; определить условия их эффективного использования в письменной научно-гуманитарной коммуникации.

Цель и задачи исследования отражают естественное для выбранного объекта совмещение когнитивного и прагматического подходов. Кроме того, демонстрируют исследовательскую установку на интеграцию дескриптивного и нормативного измерений аргументации и, соответственно, попытку не только описать реальные коммуникативные процессы, но и оценить их.

Принятая в работе методология обуславливает использование качественных методов исследования. Дескрипция осуществлялась на основе описательного метода (в совокупности всех его составных частей: наблюдение, обобщение, интерпретация, классификация), а также с применением функционально-коммуникативного и контекстуального анализа. Для выделения и характеристики конститuentов аргументации (высказываний/пропозиций) привлекался пропозициональный анализ (метод лингвистической и логической прагматики). Восстановление пропущенных компонентов аргументации производилось посредством формально- и неформально-логической реконструкции. В оценочной квалификации аргументирующих рассуждений был задействован процедурный аппарат теории коммуникации, неориторики, прагмалингвистики, логики, дискурсологии.

Источником эмпирического материала послужили русскоязычные статьи по пяти гуманитарным направлениям (социология, психология, культурология, лингвистика, журналистика), опубликованные в рецензируемых научных журналах за 2001–2019 гг. Фактологический корпус насчитывает 175 текстов, общий объем которых составляет около 70 п. л. При отборе источников материала соблюдался принцип паритетности: каждая из пяти научных дисциплин представлена 35 текстами.

Результаты и их обсуждение

Взаимодействие в аргументативном дискурсе рационального и эмоционального служит источником реализации прагматического потенциала аргументирующего рассуждения. Для достижения убеждающего эффекта продуцирующий субъект аргументации апеллирует к когнитивным структурам реципиента, активизируя одни и блокируя другие. Закономерно, что усиление рационального воздействия ослабляет эмоциональное и наоборот.

Тактика эмоционального усиления аргументации предполагает выбор коммуникативно-речевых действий, которые актуализируют эмоциональную доминанту восприятия сообщения. Обратим внимание, что понятие «эмоционального» используется здесь в широком значении, которое охватывает комплекс многообразных психических процессов и состояний. Такой подход согласуется с позицией исследователей, признающих «ошибочным сводить эмоциональный эффект текста... лишь к возникновению у человека эмоций» и рассматривающих «собственно эмоции» как одну из форм, относящихся к сфере эмоционального [23. С. 192]. При этом важно подчеркнуть, что все формы эмоционального так или иначе воспроизводят

отношение человека к миру и отражают субъективную ценность для индивида тех или иных реалий. Таким образом, интенсификация эмоциональной доминанты аргументативного сообщения означает акцентирование его психологического аспекта (субъективного, личностного, экспрессивного) и, соответственно, ослабление аспекта логического (объективного, критического, денотативного).

В письменном научно-гуманитарном дискурсе такая когнитивная установка реализуется на трех уровнях – структурном, вербальном и метатекстовом – с помощью соответствующих субтактик.

1. Структурное усиление аргументации

Средством аргументативного воздействия служит текст, который понимается в широком семиотическом плане как объединенная по смыслу совокупность языковых и невербальных знаков. Аргументативный текст имеет определенную структуру, позволяющую объективировать механизм убеждающего воздействия: на основе принятия выдвигаемых аргументатором утверждений (доводов) аудитория склоняется к принятию нового утверждения (тезиса), учитывая логическую и прагматическую связи между пропозициями.

Установка на эмоционально-ценностное воздействие побуждает аргументатора использовать такие приемы структурной организации дискурса, которые позволяют психологически усилить аргументирующее рассуждение. В научно-гуманитарной коммуникативной практике особое структурирование дискурса неотделимо от языковой репрезентации, поэтому уместно, на наш взгляд, говорить о структурно-вербальной усиливающей субтактике.

Данную субтактику в общем виде можно определить как **манипулирование (оперирование) концептами**: отбор и компоновка номинаций, значимых для определенного аргументативного контекста, осуществляются пропонентом с таким расчетом, чтобы обеспечить эмоциональную вовлеченность воспринимающего субъекта и соответствующую интенсификацию убеждающего воздействия.

Манипулирование концептами включает аргументативные приемы трех видов.

1.1. Акцентирование ключевых концептов – многократное повторение в аргументирующем рассуждении слов и выражений с соответствующей семантикой.

Примером использования этого приема может служить фрагмент статьи по культурологии, автор которой обосновывает тезис о ценностно-культурной функции массового праздника: (1) *Обрядово-зрелищные формы массовых праздников сохраняют и передают традиции, нормы, эстетические идеалы и нравственные ценности, информационные ориентиры... Массовые праздники и зрелища активизируют и интенсифицируют культурную жизнь, прежде всего потому, что открыто утверждают основные, доминантные для празднующего сообщества ценности, характерные для данной культу-*

ры... Массовые праздники и зрелища являются одним из институтов, призванных охранять, пропагандировать и обновлять ценности культуры... Праздник через обновление ценностей, напоминание важных событий, связанных с ним, выполняет роль мощного механизма передачи культурных традиций из поколения в поколение... (НИК2. С. 7). Эмоциональное усиление аргументации в (1) достигается за счет концентрированной подачи концептуально маркированных слов и выражений: повторение их в нескольких смежных доводах способствует тому, что внимание реципиента подсознательно заостряется на идее о ценностной природе массовых праздников и, таким образом, ускоряется процесс принятия этой идеи.

Еще один пример – из социологической статьи: (2) *В отличие от России Украина последние годы пребывает в стагнирующей неопределенности. Из действующей неопределенности будущее расплывается в тумане новых неопределенностей. Следовательно, пока «страна без будущего» – с Украиной может случиться всякое, даже непредвиденное. Как в точке бифуркации (СА6. С. 98).* Обосновывая точку зрения о неопределенности социально-политической ситуации в Украине, пропонент прибегает к акцентированию ключевого понятия «неопределенность». Насыщенность дискурсивного фрагмента языковыми репрезентантами указанного концепта, их контактное расположение фокусируют внимание на тезисе, выражающем определенную оценку ситуации. Это, в свою очередь, облегчает процесс встраивания данного оценочного тезиса в когнитивно-аксиологические структуры адресата. Описанные тактические действия обеспечивают эмоциональную поддержку аргументации.

Как показывают примеры (1) и (2), прагматика акцентирования доминантных концептов связана с тем, что аргументация переориентируется с убеждения на внушение: снижается критичность, сознательность воспринимающего субъекта за счет активного воздействия на его подсознательные психические процессы (в частности, стимулирование непроизвольного внимания, запоминания).

1.2. Создание определенного эмоционально-ценностного фона дискурса путем вовлечения в него оценочных языковых средств. Этот прием регулярно применяется для обоснования нормативно-аксиологических суждений.

Задача сформировать у реципиента положительный образ ситуации побуждает аргументатора включать в структуру послышки комплекс позитивно-характеризующих высказываний. В случае каузальной аргументации необходимый прагматический эффект – создание образа «радужных перспектив» – достигается, в частности, благодаря концентрированному употреблению вербализаторов позитивных следствий: (3) *Качественное образование, с одной стороны, выступает условием инновационного развития страны и позволяет оптимизировать решение социальных и экономических проблем... способствует эффективному включению социума в мировые экономические, социальные и иные виды практик... Во-*

вторых, в условиях растущей неопределенности и энтропии социальных процессов повышается **значимость образования** как института, **способного внести вклад в прогнозирование будущего и предотвращение глобальных рисков и угроз**. Образование в современном мире рассматривается как **ключ к решению глобальных нравственных, экологических и других проблем, стоящих перед человечеством** (СА2. С. 315). Особое структурирование дискурса – использование системы позитивно-оценочных доводов – передает пафос аргументатора, отстаивающего точку зрения о важной роли инновационного образования в условиях глобализирующегося мира.

Формированию противоположной (отрицательной) оценки ситуации способствует насыщение аргументирующих высказываний негативно-оценочными номинациями. Причем воздействующий эффект приема возрастает прямо пропорционально плотности такого рода языковых единиц: (4) **Современное разрушение идентичности как наиболее болезненное и зримое проявление антропологического кризиса обнаруживает себя в различных формах депрессии и апатии, бессмысленной жестокости, различных формах зависимости и беспомощности, стремлении убежать от реального мира, в проявлениях избыточной властности и агрессии, разных формах нигилизма и нарциссизма, в алкоголизме и наркомании, сексуальных и гедонистических извращениях. Все это ведет к негативной личностной автономии, к ощущению безвременья, дезинтеграции жизненных смыслов и отсутствию жизненных планов и стратегий, т.е. к потере идентичности. Даже наши «Богом данные» онтологические идентичности имеют массу отрицательных свойств и могут подвергаться деградации и деструкции** (НИКЗ. С. 28). Тезис, заявленный автором в заголовке статьи (*Кризис личностной идентичности в постсовременной культуре*), подкрепляется множеством негативно заряженных доводов. Очевидно, что такое «сгущение красок» позволяет максимально активизировать эмоциональный канал субъекта, воспринимающего аргументацию, и существенно усилить перлокуцию убеждения.

На действенность приема, который заключается в создании позитивного/негативного эмоционально-ценностного контекста коммуникации, обращает внимание известные аргументологи (см., напр.: [11, 13, 14, 24]). Так, по мнению канадского ученого Д. Уолтона, «выбор терминов с эмотивными значениями может быть персуазивной аргументативной тактикой». Ее механизм в аргументации связан с тем, что «путем тщательного отбора терминов с эмотивными значениями говорящий существенно усиливает воздействующий эффект, вызывая позитивное или негативное отношение аудитории» [24. Р. 161]. Действительно, фокус внимания адресата смещается с критического анализа тезиса и доводов на их оценку. Это означает, что ослабляется логическая связь пропозиций, а приоритетной становится прагматическая связь, основанная на чувственном восприятии аргументативной ситуации.

Формированию определенного психологического фона дискурса способствует эксплицитное название аргументатором эмоциональных состояний, реакций, вызванных теми или иными ситуациями, событиями. Как правило, такие номинации используются при отрицательной характеристике включенных в обоснование фактов: *Особую озабоченность вызывает..., А это тем более обидно..., Особо критично выглядит..., Особенно тревожит тот факт, что..., Не меньшую тревогу вызывает..., Ситуация в области психического здоровья еще более удручающая, Мы можем оценить упомянутый выше дисбаланс как трагический, К сожалению, это направление находится в крайне неудовлетворительном положении и т. п.* Прагматика подобных выражений связывается с их способностью вызывать прямой (непосредственный) эмоциональный эффект, основанный на эмпатическом восприятии адресатом аргументации тех чувств и эмоций, которые описываются продуцирующим субъектом с помощью эмотивно-оценочных языковых средств.

Обращают на себя внимание аргументативные конструкции, обладающие скрытой эмоциональностью, например: (5) **Совершенно непонятно, как можно вырастить хороших математиков или физиков, если у них не будет развитого воображения, знания основ мировой культуры... Чему удивляться, если молодежь вполне серьезно считает, что патриотизм был только в войну, а сейчас он не нужен, а в некоторых ответах его вообще называют «религией для бешеных»** (СА3. С. 483). Обосновывая значимость формирования общественной нравственности, автор статьи в (5), очевидно, рассчитывает на эмоциональный отклик аудитории. Этот расчет оправдывается, в том числе, благодаря непрямым (косвенным) речевым действиям. На основе принципа взаимной имплицитности оценок («та или иная оценка данного факта имплицитно подразумевает обратную оценку соответствующего отрицательного факта» [25. С. 20–21]) выводятся структурные модификации, семантически эквивалентные исходным: *Совершенно непонятно, как можно* = *Понятно, что нельзя*; *Чему удивляться, если* = *Неудивительно (естественно), что*. Такие преобразования актуализируют экспрессивный план высказывания, а потому прагматически значимы в аргументативном контексте.

1.3. Противопоставление концептов – построение аргументации на основе концептуально противоположных понятий. Интенсифицирующий эффект достигается за счет контрастности пропозиций, образующих аргументативную конструкцию.

К такому приему прибегают авторы статьи по психологии, обосновывая положение об угрозе терроризма: (6) **Терроризм является одной из наиболее острых проблем современного общества... События последних десятилетий показали его тотальный, всепроникающий характер, практически изменивший современный мир. Если раньше террор был достаточно локальной проблемой, касавшейся либо географически, либо экономически ограниченных областей, социальных страт, этносов, то сейчас ни**

один человек не может чувствовать себя полностью защищенным от действий вездесущих террористов (НПЖЗ. С. 27). Ядро аргументации в (6) формируется на базе оппозиционных концептов «прошлое» – «настоящее», «локальный» – «тотальный», вербализуемых различными способами. При этом очевидно стремление авторов текста не просто выразить личное отношение к характеризваемым явлениям, но и «встроить» свои ценности в когнитивную картину мира адресата. В этом случае срабатывает известный психологический механизм заражения, позволяющий активизировать структуры подсознания и таким образом эмоционально усилить обоснование.

Концептуальное противопоставление, реализующее принцип контраста, способно обеспечить значительный эмоциональный эффект. В этом позволяет убедиться следующий фрагмент полемической статьи по журналистике: (7) *Газеты и социумы районов как бы существуют в параллельных мирах. Мир первых – это тишь и гладь, да божья благодать: парадные отчеты о делах начальников различных ведомств и учреждений, победные реляции и рапорты представителей различных уровней власти, официальные церемонии и нормотворчество. Мир вторых полон реальных каждодневных сложностей и животрепеущих проблем: молодежная безработица и молодежный экстремизм, наркомания и алкоголизм, нелегальная миграция, плохая работа ДЕЗов, наконец, конфликты по поводу парковок... и многое другое. Но даже слабым эхом вся эта социальная проблематика не доносится со страниц районных и муниципальных газет* (ВМУ-ЖЗ. С. 80). Рассуждение в (7) представляет собой критическую аргументацию. Точка зрения пропонента, его субъективная оценка описываемой ситуации выражаются здесь в эксплицитной форме, с включением в аргументативную конструкцию контрарно-оценочных высказываний. Критика региональных газет строится аргументатором на базе фактуальных доводов, апеллирующих к реальности. Однако в результате предпринятых когнитивно-речевых действий происходит явное смещение прагматического акцента с номинативного, событийного плана дискурса на его субъективный, экспрессивный план. Рационально-логический канал восприятия нейтрализуется, соответственно, эмоциональный канал становится доминантным. Это и обеспечивает психологическую убедительность аргументирующего рассуждения.

Как было показано, в гуманитарном дискурсе эмоциональное усиление аргументации на структурном уровне сопряжено с усилением концептуальным. Манипулирование концептами имеет высокий прагматический потенциал, что подтверждается эмпирически, а также отмечается специалистами. Так, Д. Уолтон «эмотивные термины» относит к «персуазивному языку», а построенные на их основе аргументы называет обманчивыми (deceptive arguments) [24. Р. 161–164]. Такая оценочная интерпретация данной субтактики накладывает определенные ограничения на применение ее в научной аргументативной практике. Нормативный аспект предполагает соблюдение пра-

вил аргументации как рациональной коммуникативной деятельности. В случае их нарушения возможна подмена интеллектуального воздействия психологическим, т.е. внушение, что квалифицируется как аргументативная ошибка [3. С. 216–217]. В каждом из приведенных примеров (1)–(7) тактическая адекватность использованных приемов определяется с учетом критериев разумности, целесообразности и соразмерности.

2. Вербальное усиление аргументации

Доминирующая стратегия обоснования влияет не только на построение аргументативного дискурса, но также на выбор приемов вербальной репрезентации результатов научного исследования. На вербальном уровне эмоционально-ценностное усиление аргументации реализуется в двух субтактиках: психологического акцентирования и применения парааргументации.

2.1. Психологическое акцентирование предполагает введение в дискурс языковых элементов, способных внушить адресату уверенность в правоте аргументатора. Стратегическая оправданность такого рода коммуникативных действий базируется на понимании того, что естественным способом создания ощущения уверенности у воспринимающего субъекта (в соответствии с механизмом психологической заразительности) является демонстрация пропонентом собственной убежденности.

В письменной научной коммуникации гуманитарии используют широкий репертуар языковых приемов, обладающих эмоционально-психологическим зарядом. Он реализуется благодаря способности вербальных средств манифестировать заложенные в аргументативном сообщении чувственные послылы (прежде всего уверенность), транслировать соответствующие эмоциональные состояния, настроения, создавать определенную тональность речи и, таким образом, влиять на психические процессы восприятия и понимания.

Для гуманитарной аргументативной практики характерны выражения со значением очевидности, достоверности факта (знания), передающие категорическую уверенность: *Безусловно*; Конечно (же); Несомненно; Разумеется; Естественно (что)...; Ясно, что...; Понятно, что...; Очевидно, что...; С очевидностью обнаруживает (демонстрирует)...; Вряд ли у кого вызывает сомнения...; Не вызывает сомнения тот факт, что...; Факты не оставляют сомнений в том, что...; Стоит ли говорить, что...; Излишне говорить, что...; Бессмысленно отрицать, что...; Никто не станет отрицать...; Примеры... настолько многочисленны, что это уже не требует обоснования и др.

Усилению психологического воздействия способствует расширение стандартных аргументативных вербализаторов за счет интенсифицирующих лексем: *достоверно* установлено; *убедительно* показывает (демонстрирует, подтверждает); *со всей очевидностью* свидетельствует; *совершенно* очевидно (понятно), что...; представляется *совершенно* беспор-

ным; **однозначно** положительный момент; не вызывает **никаких** сомнений, что...; ...с **полным** основанием можно отнести...; данный **факт** является **убедительным** свидетельством; ...можно **смело** отнести к числу...; **определенно** можно утверждать, что...; **безусловно** позитивными являются следующие факторы и под.

(8) На практике это означает необходимость отказываться от принятой в научной практике характеристики устной литературной речи в терминах двух градаций – кодифицированный – разговорный (компрессионный). Основанием же для этого является тот **непреложный** факт, что литературные некодифицированные формы образуют шкалу переходов не только в плане фонетическом, но и в нормативном (ФН1. С. 19); (9) *Такое* (аксиологическое. – Т.С.) мышление, вне всякого сомнения, **дает** исследователям **опыт** свободы, которая также становится ценностью в научном процессе (ВСПБУ. С. 146).

Прагматическая роль подобных выражений становится очевидной, если провести мысленный эксперимент и элиминировать входящие в их состав интенсифицирующие компоненты (выделены полужирным шрифтом).

Функцию эмоционального усиления аргументации выполняют кванторы общности (*всякий, каждый, любой, все, всегда, никто, никакие, никогда, ни один*) и близкие к ним по значению слова-интенсивы (*обязательно, непременно, чрезвычайно, совершенно, абсолютно, непреложно(ый), вездесущий, катастрофически(ий), беспрецедентно(ый), (принципиально) невозможно и др.*). Подобные языковые единицы могут использоваться в составе аргументативных маркеров, как в примерах (8) и (9), либо употребляться в качестве самостоятельных приемов, акцентирующих точку зрения аргументатора, стимулирующих психологическое воздействие приводимых доводов:

(10) *Профессиональная деятельность журналиста в современных условиях* **немыслима** вне рамок законодательства о СМИ (ВБГУ. С. 60); (11) *...мир оказался... в ситуации, где вообще нет никаких правил, где ты или кто угодно другой можешь оказаться жертвой в любой момент и в любом месте. Войны, где нет никакой логики... а опасность подстерегает в любом месте, и нет никакого верного способа защиты...* (НПЖЗ. С. 27) (см. также пример (6)).

Еще одним приемом выражения безапелляционности суждений является активизация вербальных форм отрицания. Насыщение аргументирующего рассуждения средствами негации, создавая экспрессивный фон общения, реализует расчет на эмоциональный отклик реципиента: (12) *...отнесение филологии к чему-то однозначно гуманитарному характерно... и для специалистов... Эти представления не смогли разрушить ни структурализм, ни «хомскианская революция»...* (ФН2. С. 5); (13) *Выступление национальной сборной Республики Беларусь по хоккею... повергло в шок страну. Оказалось, что у самой главной команды страны нет ни лидеров, ни патриотизма, ни мотивации* (СА6. С. 478).

Максимальный воздействующий эффект достигается благодаря концентрированному применению названных акцентирующих средств: (14) *Право властей на информирование местной общественности о своей деятельности привело к тому, что страницы местной прессы до предела забиваются однотипной официальной информацией, абсолютно ничего не дающей ни уму, ни сердцу <...> Это, в сущности, и не газеты, а своего рода клоны. Они не отличаются друг от друга ни по внешнему виду, ни по содержанию. В них нет ни одного живого слова, ни одной заметки, затрагивающей местные проблемы...* (ВМУ-Ж2. С. 80).

Категорическая уверенность передается контактным употреблением модальных предикатов, а также семантически близких либо эквивалентных глагольных словоформ в различных временных модусах: *Такое обучение может и должно способствовать...; Речь может и должна идти о...; Важно и можно преодолеть; Этой проблемой всегда была, есть и будет...; Здесь ряд номинаций... был открыт, открыт и открытым будет; Никто, кроме психологов, эту работу профессионально не делает и не сделает* (см. также пример (23)).

В дискурсивной практике рассмотренные выше коммуникативно-речевые приемы создают повышенную напряженность, динамизм, способствуют экспрессивизации аргументирующих рассуждений, что так или иначе затрагивает сферу эмоционального.

Психологически значимым является выбор глаголов и их производных с аргументативной семантикой, имеющих модальное значение достоверности, убежденности: *Приведенные примеры доказывают, что...; В том, что... лишний раз убеждает; Развитие идеи... убеждает в том, что...; Пристальное изучение... убеждает в том, что...* и под. Очевидно, что лексемы *доказывать, убеждать* обладают значительно большим прагматическим потенциалом, чем синонимичные *показывать, подтверждать, свидетельствовать*.

Эмоциональное воздействие аргумента возрастает в случае сочетания нескольких прагматически сильных лексических единиц с аргументативной семантикой: (15) *Практика убедительно доказала, что для того, чтобы сделать инновационный прорыв, любое поставившее перед собой такую цель общество должно выполнить как минимум три следующих условия...* (СА5. С. 211).

Сознательное либо неосознанное стремление аргументатора психологически усилить обоснование выражается в использовании авторизованных конструкций, включающих различные средства вербального усиления. Они многообразны, отличаются разной степенью регулярности, некоторые приобретают статус дискурсивных клише, другие несут отпечаток авторской индивидуальности: *Я убежден, что...; Глубоко убеждены, что...; Мы можем с уверенностью констатировать (утверждать), что...; Мы уверены, что совершенно оправданно...; Определенно можно утверждать, что...; Безусловно, по нашему мнению, факт, что...; У нас есть все основания считать*

(что)...; Думаем, что так было и будет всегда и др. Очевидный эмоционально-интенсифицирующий характер приведенных выражений связан с тем, что они, явно эксплицируя уверенность, убежденность продуцирующего субъекта, оказывают непосредственное воздействие на чувственную сферу субъекта воспринимающего. Совмещение подобных речевых конструкций в аргументативном тексте увеличивает его убеждающий эффект: (16) *На наш взгляд, мы имеем все основания считать Всемирную паутину самостоятельным видом бизнеса... В настоящий момент мы можем с уверенностью сказать, что PR-бизнес всерьез и надолго обосновался в сфере Интернета* (ВМУ-Ж1. С. 62).

Включение в дискурс авторизированных структур, содержащих языковые показатели пропозициональной установки и маркирующих тезис, демонстрирует желание пропонента придать своему мнению характер субъективно-истинного знания. Убеждение адресата в достоверности этого мнения/знания основывается на актуализации эмоциональных реакций – соучастия и доверия.

Приемы психологического акцентирования, направленные на формирование отношения к факту, на привлечение к нему особого внимания, выступают как неизменный атрибут научно-гуманитарной аргументации. Однако нельзя исключать, что такие речевые действия могут служить средством психологического давления на реципиента, особенно при повышенной их концентрации.

В гуманитарном аргументативном тексте интенсивность речевого акта может варьироваться от предположения до уверенности, что обычно фиксируется языковыми средствами. При этом необходимо учитывать следующий принцип аргументирования: «Чем больше та степень уверенности, с которой выдвигается та или иная точка зрения, тем более веские доказательства должны быть приведены в ее пользу» [26. С. 192]. В случае отсутствия надежных доводов интенсифицированная вербализация тезиса расценивается как способ навязать адресату определенную модель ситуации, т.е. как внушение.

Подтверждение своего вывода о возможности незаконного (манипулятивного) применения усиливающих обоснование вербальных (преимущественно лексических) средств находим в исследованиях других ученых. Так, Т.Б. Радбиль, рассматривая мета-языковые механизмы языкового манипулирования сознанием в обыденной речи и в медиадискурсе, заключает, что «в принципе любое эксплицитное выражение истины на лексическом уровне имеет значительный манипулятивный потенциал» [27. С. 435] (см. также: [28, 29]).

2.2. Для эмоциональной поддержки обоснования ценностных суждений активно привлекается *парааргументация*² – составляющие дискурса, которые выполняют «квазиаргументационные функции»: такие языковые средства позволяют реализовать убеждающую цель аргументации за счет актуализации ее эмоционально-психологического, ценностного, эстетического потенциала.

В гуманитарных текстах используются многообразные риторические приемы, в том числе тропеические средства. Заметим, что данные, полученные в ходе нашего исследования, фактически опровергают мнение Э. Лассан об «отсутствии риторики» в современной научной прозе, о «формализации и унификации» научных текстов (см.: [31]), по крайней мере, применительно к жанру научной статьи.

Самым частотным тропом, применяемым в гуманитарных текстах, является метафора. Например, в социологической статье свой тезис автор выражает метафорически и фиксирует в заголовке: *Коррупция как социальная болезнь. Этот образ последовательно развивается в аргументативном тексте, актуализируя эмоциональное отношение аудитории к анализируемому объекту:* (17) *Коррупция в форме взяточничества считается одной из самых опасных для современного общества социальных болезней, поскольку разрушает его основные «несущие конструкции» – экономику, власть и дух народа. <...> Однако коррупция принадлежит к тем болезням, которые трудно лечатся по той причине, что плохо диагностируются, а заболевший орган сложно локализовать и почти невозможно удалить* (СА1. 138, 140).

Прием метафоризации применяется и в статье по психологии, где точка зрения о негативном влиянии технологического прогресса на психическое здоровье современного человека аргументируется в образной форме (прогресс (социализация) рассматривается как борьба): (18) *Социализацию, таким образом, следует рассматривать... как достаточно жесткую борьбу, шрамы от которой в виде различных форм «культурной» патологии есть плата за возможность обретения нормальной идентичности и адекватной саморегуляции. Психоанализ... более правдоподобным считал ее довольно «кровавый» характер. <...> Прогресс должен быть исследован как один из существенных факторов формирования новых... форм аномалий психического развития* (НПЖ2. С. 7–8).

Как показывают иллюстрации (17) и (18), обращение в аргументативном дискурсе к метафоре позволяет сделать научное обоснование более конкретным, наглядным и, как следствие, эмоционально убедительным.

Вероятно, такой же прагматической установкой мотивируется включение образных оценок в заголовки статьи по журналистике: *Местная пресса мегаполиса: зеркало жизни или служанка власти?* (ВМУЖ-2). Анализ приводимой в тексте аргументации подтверждает доминирование эмоциональной ее составляющей, что отражено, например, в (7) и (14).

Стремление оказать максимальное эмоционально-психологическое воздействие на адресата побуждает гуманитариев к использованию таких сильных средств, как ирония и сарказм: (19) *Современные мужчины не меньше женщин страдают от противоречивых требований. И если в прежние, догмаурные времена мужчина мог быть кем-то одним: кормильцем, специалистом, управленцем, революционером, то теперь все чаще звучит тема «Вася, стань звездой!» Предполагается, что мужчина должен*

продемонстрировать свою универсальность. Массовая культура услужливо предлагает конкурс «Мужчина России», где культивируется образ метросексуала и супермена, воплощающего новые стандарты благополучия, которые должен реализовать уважающий себя представитель «сильного пола» (НПЖ4. С. 52). Аргументатор в (19), обосновывая точку зрения, согласно которой социокультурные нормы и стереотипы негативно сказываются на психическом здоровье современного мужчины, очевидно, опирается на эмоциональную реакцию адресата, формируя с этой целью иронический (отрицательно-оценочный, отталивающий) образ ситуации (см. также (8)).

Источник эмоциональной силы рассмотренных приемов парааргументации видится в том, что такие речевые действия явно выдвигают на первый план субъективные моменты дискурса. Отношение продуцирующих субъектов к содержанию высказываний передается в образной форме, что создает особую выразительность рассуждений, прежде всего за счет необычности, непривычности для научного текста языкового оформления аргументативных рассуждений. В таких условиях активизируется индивидуально-личностный аспект восприятия сообщения, стимулируется появление ситуативных эмоций у реципиента-гуманитария, априори небезразличного к лингвокреативной составляющей коммуникации.

Парааргументативные приемы могут выступать в различных сочетаниях, что наблюдается в следующем дискурсивном фрагменте: (20) *Только глухой не услышит скрытой апокалиптики фамилий «майдаунов»... Это не фамилии, а явления. Как смерч или оползень. Или бесовский вальс... Только слепой не заметит, как отчаянно некрасивы лики фурий Майдана и Госдепа... Не потому ли так некрасивы, что никогда и никем не любимы? И тот унижительный террор, что был связан ими на Украине, может на поверку оказаться элементарной пошлой местью за неуютный и колющий мир, в котором они вынужденно обитают...* (НИК5. С. 112–113). Комплекс риторических средств (парцелляция, параллелизм, эпитеты, риторический вопрос, метафоричность), насыщение дискурса негативно-оценочными номинациями, резко саркастическая тональность рассуждения – все это проявляет стратегический замысел пропонента, его расчет на активизацию эмоциональной вовлеченности адресата в аргументативный процесс.

В ситуациях, подобных (20), возникает вопрос о нормативности включения парааргументации в научный текст и критериях оценки такого способа языкового воплощения аргументации. Ответ может быть следующим. Эмоциональная поддержка новых идей допустима (а иногда необходима) в дискурсе гуманитарных наук, однако в разумных пределах. Немотивированная увлеченность риторическими приемами нарушает требование рациональности (затемняет содержание аргументации, затрудняет ее реконструкцию). Наша позиция в данном случае созвучна мнению Г.Г. Хазагера, который в качестве одной из причин «лингвистической и социальной дисфункции»

научного дискурса называет «риторическое давление на когнитивные структуры», вызываемое, в том числе, излишней метафоричностью [29. С. 7–8]. Злоупотребление парааргументацией мы рассматриваем как тактическую ошибку [3. С. 217–218]. Проиллюстрировать ее, кроме (20), может и следующий фрагмент из статьи по культурологии: (21) *Лепота – звучит в душе это созвучное увиденной красоте Слово... Удивительное по музыкальному звучанию древнерусское слово, которое завораживает до такой степени, что нет других слов, чтобы передать восторг, умиление, преклонение перед сотворенным искуснейшими руками русичей этого величественного православного Храма неземной красоты... Можно только пожелать, чтобы святое, трепетное, ответственное отношение к родному русскому слову одухотворяло каждую мысль Человека культуры, несущего людям мысль о торжестве Красоты в нашем бушующем мире...* (НИК1. С. 81).

В оценке подобных рассуждений мы опираемся на эпистемологический принцип, в соответствии с которым «разумное не противоречит ни воображению, ни образности, но и не сводится к ним» [32. С. 21]. Следует учитывать, что образные средства языка так или иначе модифицируют объективную реальность, затемняют денотативный (номинативный, событийный) план текста, укрупняя при этом его экспрессивный (субъективный) план. Такая трансформация внеязыковой действительности оказывает имплицитное влияние на систему ценностей адресата, актуализируя его психокогнитивные структуры. В данном контексте важно осознать, что «принципиально исключена полная изоморфность эмоций реципиента эмоциям автора» [23. С. 192], поскольку восприятие речи (и смысловое, и эмоциональное) опосредовано языковыми средствами. В них закреплено как индивидуальное, так и социально-типичное отношение к содержанию аргументативного высказывания/текста, порождающее определенный эмоциональный эффект (который, очевидно, прогнозируется продуцирующим субъектом). Ожидания оправдываются только при условии, если эмоционально-ценностные установки коммуникантов совпадают (или по крайней мере близки). Учитывая специфику адресата научной аргументации, естественно предположить, что чрезмерная эмоциональность и языковая образность аргументирующего сообщения далеко не всегда позволяют рассчитывать на понимание и принятие заложенной в нем идеи.

3. Метатекстовое усиление аргументации

В письменном научном дискурсе для воздействия на адресата применяются разного рода метатекстовые (невербальные) средства. Как правило, это различные типографские приемы (размер и вид шрифта, выделение полужирным, курсивом, разрядкой), цветовое выделение, рубрикация и др. Невербальные средства обычно используются в научной статье для рационализации аргументирования: маркируют конститuenty аргументации (тезис и доводы), систематизируют ар-

гументирующие рассуждения, выделяют актуальные в определенном контексте концепты.

Однако в некоторых случаях такие средства выступают в роли эмоциональных интенсификаторов аргументации. Это наблюдается, например, в следующем фрагменте дискурса:

(22) ...хочу предостеречь от весьма распространенной оценки людей *только* по качеству результатов их деятельности... Для более основательного прогноза, что вообще от них можно ждать, требуется проникнуть в мир их внутренних ценностей. Так, хитрый и неглупый политикан способен для оболыбления избирателей проявить вполне творческую смекалку и сделать для них, в том числе, и немало полезного. Но всего лишь *в том числе*. Ибо подлинными ценностями, во имя которых он старается, являются его власть, его богатство, его слава. Поэтому не удивляйтесь тем сюрпризам, которые он преподнесет вам, когда в вас отпадет непосредственная надобность (НИК4. С. 60). Пытаясь убедить читателя в сложности (неоднозначности) аксиологических аспектов творчества как особого вида деятельности, автор статьи в (22) приводит ироническую иллюстрацию, эмоциональность которой подчеркивается с помощью графического акцентирования (выделения курсивом).

Метатекстовому усилению аргументации в научно-гуманитарных текстах способствует использование приемов экспрессивной графики. Это могут вставные восклицательные конструкции с соответствующим пунктуационным оформлением: (23) *Существует огромное число исследований, которые убедительно показывают зависимость между... эмоциональной депривацией в семье и социально девиантным развитием личности. <...> Но мы не должны и не можем мириться с таким положением, когда неуклонно растет количество детских домов и множится число детей-сирот при живых родителях. <...> Поэтому поддерживать и развивать эффективные формы семейного (подчеркну – именно семейного!) устройства детей-сирот необходимо* (НПЖ1. С. 41–42).

Повышенная экспрессивность обеспечивается благодаря эмоциональным вставкам знака восклицания, привлекающим внимание к особенно важным моментам содержания высказывания: (24) ...«*Властная элита*». Для украинских реалий последних 20 лет это словосочетание – абсолютный абсурд. Два слова, которые перечеркивают друг друга. Исходя из того что в первоначальном значении «элита» – это лучшее из лучших (!), а украинская власть – это не элита, это кланово-олигархическое скопище жадных до наживы особей... (СА6. С. 88–89).

Наряду с традиционными графическими акцентуаторами в проанализированном речевом материале зафиксирован случай использования аномального для научного текста визуального знака – смайла: (25) ...*Наша стихия – непоколебимая вечность, их – временность и беспорядочный образ жизни... В святоотеческой литературе зло не суще, зло есть недостаток добра, отсюда обречено оно (бедное и несчастное ☹) нападать и скалиться, лишь бы быть*

в непосредственной близости от объективной реальности... (НИК5. С. 112). В (25) аргументатор, пытаясь обосновать преимущества русского самосознания на фоне западного, прибегает к вербальным и невербальным способам создания иронического подтекста, рассчитывая, очевидно, на эмоциональный отклик адресата и на его психологическую поддержку.

Для большей эмоциональной убедительности аргументации автор научного текста может совмещать несколько видов графического акцентирования: (26) ...*развитие корпусной лингвистики за последнее десятилетие позволило перевести изучение языкового материала на принципиально иной уровень... Ведь нетрудно подсчитать, что если бы кто-то захотел просто прочесть вслух составляющие входящий в состав Национального корпуса чешского языка тексты... ему понадобилось бы для этого более 100 лет! Компьютер же просмотрит весь этот массив... в течение нескольких минут* (ФН2. С. 5). Утверждение о важной роли корпусной лингвистики в развитии современного филологического знания подкрепляется экспрессивно оформленным аргументом (фрагмент восклицательной конструкции выделяется полужирным шрифтом).

Примеры (22)–(26) демонстрируют, что максимальному усилению аргументации способствует синкретичность структурных, вербальных и метатекстовых средств. Стоит заметить, что в гуманитарном дискурсе различные интенсифицирующие аргументацию приемы, как правило, выступают в различных сочетаниях. Рассматривая отдельные тактические средства, применяемые в научных текстах, мы учитывали методологический принцип, сформулированный Д. Росс и Д. Россен-Книлл, согласно которому «в письменной аргументации по частям текста нельзя судить о целом» [33. Р. 204]. Отсюда следует, что характер тех или иных аргументативных действий полностью раскрывается только в широком дискурсивном контексте.

Нормативный аспект анализа научно-гуманитарных рассуждений (текстов), синтезирующих все способы усиления эмоционального воздействия, предполагает экспликацию критериев их оценки. Такие критерии должны способствовать разграничению двух типов воздействия: аргументативного и манипулятивного. В дискурсе гуманитарных наук (ценностно ориентированном) параметр «сила воздействия аргументации» по определению не имеет количественного выражения. Как следствие, говорить о строгой объективности оценки приемов, реализующих тактику эмоционального усиления аргументации, не представляется возможным. В роли «разграничителей» аргументативного и манипулятивного воздействия могут выступать только качественные нормативно-оценочные критерии, коррелирующие с этическими принципами и правилами научной коммуникации, такие как релевантность (уместность) и умеренность. Отсутствие чувства меры в использовании эмоционально заряженных аргументативных приемов неизбежно приводит к давлению на адресата: блокируется рациональный канал восприятия информации, что в научной коммуникации недопустимо. Сходную точку

зрения высказывают А. Неттел и Дж. Роуке [13]. Сравнивая «персуазивную аргументацию» и манипуляцию, исследователи отмечают, что при общей цели (повлиять на убеждения адресата, склонить его к определенным действиям) эти способы воздействия имеют противоположные установки: аргументация предусматривает свободу собеседника в принятии того или иного мнения, а манипуляция означает, что «осуществление этой свободы воли затруднено» [13. Р. 58–59]. Аналогична позиция Г. Г. Хазагерова, который считает, что манипуляция «не является прямым принуждением, однако от убеждения она отличается тем, что действует скрыто» [34. С. 7].

В данном контексте важно отметить, что процесс и результат критического анализа аргументирующих рассуждений во многом определяется личностными характеристиками реципиента (ученого-интерпретатора). Это означает, что не исключена вариативность восприятия и оценки тех или иных тактических средств, применяемых в гуманитарном дискурсе для эмоционального усиления аргументации.

Заключение

Тактика эмоционального усиления аргументации является необходимым элементом стратегического дизайна дискурса гуманитарных наук. В письменной научной коммуникации гуманитарии используют разнообразные приемы (структурные, вербальные, метатекстовые), реализующие прагматическую установку на эмоционально-психологическое аргументативное воздействие.

Широкое применение интенсифицирующих коммуникативно-речевых действий в гуманитарном дискурсе объясняется его специфической – ценностной – природой, обусловленной «вхождением» наделенного сознанием субъекта в содержание и структуру объекта познания. Это закономерно отражается на характере аргументативной деятельности: обоснование в гуманитарных науках представляет собой двуединство доказательства точки зрения и убеждения адресата в ее истинности (вероятности, целесообразности), что предполагает включение в аргументацию, наряду с логическими средствами, также внелогических приемов (лингвистических, психологических, коммуникативно-организационных) [3. С. 51].

Многообразные средства эмоционального усиления аргументации выступают в различных сочетани-

ях. Выбор тех или иных интенсифицирующих приемов, частота их использования, способы комбинирования определяются совокупностью факторов, таких как параметризация автора научного текста (профессиональный статус, социальная роль, психотип, идиостиль и др.), социокультурный контекст, предметная область познания, тематика и проблематика статьи, редакционная политика журнала. Роль каждого из названных факторов в тактико-стратегической организации письменного научного дискурса интуитивно очевидна, однако этот вопрос требует дальнейших исследований с привлечением социолингвистического инструментария, а также количественных методов анализа.

Разумное применение разного рода приемов эмоционально-ценностного воздействия в научном гуманитарном дискурсе представляется оправданным, поскольку позволяет продуцирующему субъекту аргументации, соединив два канала восприятия информации (рациональный и эмоциональный), достичь запланированного перлокутивного эффекта: побуждает адресата принять аргументируемое мнение. При этом выбор способа коммуникативного поведения должен осуществляться аргументатором с учетом релевантного для научной аргументации правила приоритета рациональности. Это означает, что аргументация в гуманитарной сфере, несмотря на естественное присутствие в ней эмоциональной составляющей, является рациональной деятельностью, которая регулируется как общезначимыми стандартами логичности, так и нормами, принятыми в институциональном сообществе. Эффективность использования тактики эмоционального усиления аргументации зависит от того, насколько реализующие данную тактику речевые действия, во-первых, согласуются с рациональными критериями оценки качества научного обоснования (достаточность доводов, содержательность рассуждений, их последовательность, непротиворечивость, упорядоченность и др.) и, во-вторых, соответствуют этическим регулятивам научной коммуникации.

Выявление и описание тактико-стратегических механизмов аргументативной деятельности в различных видах гуманитарного дискурса, а также разработка ее нормативных параметров рассматриваются как перспективные задачи лингвистической теории аргументации.

Список сокращений

ВБГУ – Казанков В.А. К концепции политической культуры журналиста // Вестник БГУ. Серия 4. Филология. Журналистика. Педагогика. 2008. № 1. С. 60–63.

ВМУ-Ж1 – Гринберг Т.Э., Лучкина С.А. Интернет: средство коммуникации паблик рилейшнз или новая профессиональная технология? // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2001. № 6. С. 56–62.

ВМУ-Ж2 – Золотых А.Д. Местная пресса мегаполиса: зеркало жизни или служанка власти? // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2011. № 5. С. 75–84.

ВСПбУ – Нигматуллина К.Р. Аксиология в журналистике: пересекающиеся измерения // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология, востоковедение, журналистика. 2008. Вып. 1. С. 140–146.

НИК1 – Донская Т.К. Речь как отражение этического и эстетического в личности // Наука. Искусство. Культура. 2012. Вып. 1. С. 72–82.

- НИК2 – Литвинова М.В. Массовый праздник как полифункциональное явление Наука. Искусство. Культура. 2013. Вып. 2. С. 5–12.
- НИК3 – Римская О.Н. Кризис личностной идентичности в постсовременной культуре // Наука. Искусство. Культура. 2014. Вып. 3. С. 25–33.
- НИК4 – Сагатовский В.Н. Аксиология творчества // Наука. Искусство. Культура. 2012. Вып. 1. С. 58–63.
- НИК5 – Цуканов Е.А. Не позволяйте обществу скакать, или Зачем террористам дискурс // Наука. Искусство. Культура. 2014. Вып. 3. С. 108–114.
- НПЖ1 – Реан А.А. Семья риска. Дети. Общество // Национальный психологический журнал. 2007. № 2. С. 40–43.
- НПЖ2 – Тхостов А.Ш., Сурнов К.Г. Культура и патология: побочные эффекты социализации // Национальный психологический журнал. 2006. № 1. С. 20–27.
- НПЖ3 – Тхостов А.Ш., Сурнов К.Г. Мотивация террориста // Национальный психологический журнал. 2007. № 1 (2). С. 27–32.
- НПЖ4 – Шмидт В.Р. Противостоят ли культура и психология социальному давлению? // Национальный психологический журнал. 2007. № 2. С. 52–56.
- СА1 – Бубнов Ю.М. Коррупция как социальная болезнь // Социологический альманах. 2011. Вып. 2. С. 138–149.
- СА2 – Кройтор С.Н. Инновационное развитие образования в условиях глобализирующегося мира: состояние, проблемы, перспективы // Социологический альманах. 2013. Вып. 4. С. 313–321.
- СА3 – Русецкая В.И. Роль средств массовой информации в формировании общественной нравственности // Социологический альманах. 2013. Вып. 4. С. 482–487.
- СА4 – Рысюкевич Н.С. Формирование спортивных лидеров: социологические матрицы // Социологический альманах. 2013. Вып. 4. С. 477–488.
- СА5 – Хурс М.Н. Ученые степени и звания в контексте совершенствования механизма мотивации научной деятельности // Социологический альманах. 2010. Вып. 1. С. 210–216.
- СА6 – Саенко Ю.И. Рациональность социальных понятий // Социологический альманах. 2014. Вып. 5. С. 88–102.
- ФН1 – Вещикова И.А. Об особенностях функционирования разговорных (компрессированных) вариантов произношения в публичной речи // Филологические науки. 2008. № 2. С. 12–20.
- ФН2 – Изотов А.И. Филологическое знание: проблема степени верифицируемости // Филологические науки. 2016. № 1. С. 3–8.

Примечания

¹ См., например: Ощепкова Н.А. Стратегии и тактики в аргументативном дискурсе: прагматический анализ убедительности рассуждения: на материале политических дебатов : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2004. 18 с.; Гусева О.А. Риторико-аргументативные характеристики политического дискурса: на материале президентских обращений к нации : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Калуга, 2006. 17 с.; Пригарина Н.К. Аргументация судебной защитительной речи: риторическая модель : дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2010. 399 л.; Тертышный А.А. Ценностно-познавательные характеристики воздействующего публицистического текста : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1993. 38 с.; Минаков В.Н. Дискурсивный потенциал аргументации в немецкоязычном научном тексте : дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 172 л.

² Термин А.П. Алексеева, введенный для разграничения собственно «аргументационной конструкции» и других компонентов дискурса, применяемых для риторической (эмоциональной) поддержки аргументации [30. С. 36].

Список литературы

1. Eemeren F.H. van, Garssen B., Krabbe E.C.W., Snoeck Henkemans A.F., Verheij B., Wagemans J.H.M. Argumentation theory // Handbook of argumentation theory. Dordrecht : Springer, 2014. P. 1–50.
2. Баксанский О.Е., Кучер Е.Н. Когнитивные науки. От познания к действию. М. : Едиториал УРСС, 2005. 182 с.
3. Савчук Т.Н. Аргументация в русско- и белорусскоязычном научно-гуманитарном дискурсе. Минск : Изд. центр Белорус. гос. ун-та, 2018. 279 с.
4. Perelman C., Olbrechts-Tyteca L. The new rhetoric : a treatise on argumentation Notre Dame : University of Notre Dame Press, 1969. 566 p.
5. Perelman C. The new rhetoric and the humanities : essays on rhetoric and its application. Dordrecht : D. Reidel Publ. Co, 1979. 180 p.
6. Toulmin S.E. The uses of argument. Cambridge : Cambridge University Press, 2003. 262 p.
7. Брутян Г.А. Очерк теории аргументации. Ереван : Изд-во Академии наук Армении, 1992. 302 с.
8. Eemeren F.H. van. The state of the art in argumentation theory // Crucial concepts in argumentation theory / ed. F. H. van Eemeren. Amsterdam : Amsterdam University Press, 2001. P. 11–26.
9. Eemeren F.H. van., Houtlosser P. Rhetorical analysis within a pragma-dialectical framework // Argumentation. 2000. Vol. 14, № 3. P. 293–305.
10. Куликова О.В. Лингвопрагматические основания теории аргументации: на материале английского языка : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2011. 367 с.
11. Jovićić T. The effectiveness of argumentative strategies // Argumentation. 2006. Vol. 20, № 1. P. 29–58.
12. Weigand E. Argumentation: the mixed game // Argumentation. 2006. Vol. 20, № 1. P. 59–87.
13. Nettel A.L., Roque G. Persuasive argumentation versus manipulation // Argumentation. 2012. Vol. 26, № 1. P. 55–69.
14. O’Keefe, D.J. Conviction, persuasion, and argumentation: untangling the ends and means of influence // Argumentation. 2012. Vol. 26, № 1. P. 19–32.
15. Савчук Т.Н. Актуальные задачи исследования научно-гуманитарного дискурса в аспекте аргументологии // Профессиональная коммуникативная личность в институциональных дискурсах : тезисы докладов междунар. круглого стола, Минск, 22–23 марта 2018 г. Минск, 2018. С. 84–87.
16. Савчук Т.Н. Аргументация в дискурсе гуманитарных наук (на материале русско- и белорусскоязычных текстов) : дис. ... д-ра филол. наук. Минск, 2019. 343 с.

17. Старостин Б.А. Наука в многомерном пространстве ценностей // Наукоедение. 2001. № 3. С. 136–165.
18. Микешина Л.А. Современная эпистемология гуманитарного знания: междисциплинарные синтезы. М. : РОССПЭН, 2016. 463 с.
19. Савчук Т. Проблема обоснования ценностей в гуманитаристике: когнитивно-прагматический подход // *Respectus Philologicus*. 2017. № 31 (36). С. 59–69.
20. Балли Ш. Французская стилистика : пер. с фр.; под ред. Е. Г. Эткинда. М. : Изд. иностр. лит., 1961. 394 с.
21. Rescher N. The role of rhetoric in rational argumentation // *Argumentation*. 1998. Vol. 12, № 2. P. 315–323.
22. Волков А.А. Теория риторической аргументации. 2-е изд., испр. и доп. М. : Добросвет : КДУ, 2013. 373 с.
23. Маслова В.А. Параметры экспрессивности текста // Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности / отв. ред. В.Н. Телия. М. : Наука, 1991. С. 179–204.
24. Walton D. Deceptive arguments containing persuasive language and persuasive definitions // *Argumentation*. 2005. Vol. 19, № 2. P. 159–186.
25. Арутюнова Н.Д. Об объекте общей оценки // Вопросы языкознания. 1985. № 3. С. 13–24.
26. Еемерен Ф.Х. ван., Гроотендорст Р. Аргументация, коммуникация и ошибки : пер. с англ. СПб. : Васильевский остров, 1992. 208 с.
27. Радбиль Т.Б. Прагматические механизмы языкового манипулирования сознанием в современной русской речи // Русистика и современность : сборник научных работ 18-й Междунар. науч. конф. Рига : Балтийская международная академия, 2016. С. 428–435.
28. Радбиль Т.Б. Метаязыковой комментарий как средство манипуляции адресатом // Логический анализ языка. Адресация дискурса : сб. ст. М. : Индрик, 2012. С. 411–423.
29. Радбиль Т.Б. Метаязыковые показатели со значением истинности в речевых стратегиях *de re* // Логический анализ языка: информационная структура текстов разных жанров и эпох : сб. ст. М. : Гнозис, 2014. С. 137–148.
30. Алексеев А.П. Философский текст: идеи, аргументация, образы. М. : Прогресс-Традиция, 2006. 328 с.
31. Лассан Э.Р. Существует ли риторика научного дискурса? // Дискурс и стиль: теоретические и прикладные аспекты / под ред. Г.Я. Соляника, Н.И. Клушиной, Н.В. Смирновой. М. : Флинта ; Наука, 2014. С. 233–240.
32. Автономова Н.С. Заметки о философском языке: традиции, проблемы, перспективы // Вопросы философии. 1999. № 1. С. 13–28.
33. Ross D., Rossen-Knill D. Features of written argument // *Argumentation*. 2016. Vol. 30, № 2. P. 181–205.
34. Хаззагеров Г.Г. Обесмысливание научного дискурса как объективный процесс // Социологический журнал. 2010. № 2. С. 5–21.

References

1. Eemeren, F.H. van et al. (2014) *Argumentation Theory*. In: *Handbook of Argumentation Theory*. Dordrecht: Springer. pp. 1–50.
2. Baksanskij, O.E. & Kucher, E.N. (2005) *Kognitivnye nauki. Ot poznaniya k deystviyu* [Cognitive Sciences. From Cognition to Action]. Moscow: Editorial URSS.
3. Savtchouk, T.N. (2018) *Argumentatsiya v russko- i belorusskoyazychnom nauchno-gumanitarnom diskurse* [Argumentation in the Russian and Belarusian Language Scientific and Humanitarian Discourse]. Minsk: Belarusian State University.
4. Perelman, C. & Olbrechts-Tyteca, L. (1969) *The New Rhetoric: a Treatise on Argumentation*. Notre Dame: University of Notre Dame Press.
5. Perelman, C. (1979) *The New Rhetoric and the Humanities: Essays on Rhetoric and its Application*. Dordrecht: D. Reidel Publ. Co.
6. Toulmin, S.E. (2003) *The Uses of Argument*. Cambridge: Cambridge University Press.
7. Brutyan, G.A. (1992) *Ocherk teorii argumentatsii* [Outline of the Theory of Argumentation]. Erevan: Armenian Academy of Sciences.
8. Eemeren, F.H. van. (2001) The State of the Art in Argumentation Theory. In: *Crucial Concepts in Argumentation Theory*. Amsterdam: Amsterdam University Press. pp. 11–26.
9. Eemeren, F.H. van. & Houtlosser, P. (2000) Rhetorical Analysis within a Pragma-Dialectical Framework. *Argumentation*. 14 (3). pp. 293–305.
10. Kulikova, O.V. (2011) *Lingvopragmaticheskie osnovaniya teorii argumentatsii: na materiale angliyskogo yazyka* [Linguopragmatic Foundations of the Argumentation Theory: on the Material of the English Language]. Philology Dr. Diss. Moscow.
11. Jovičič, T. (2006) The Effectiveness of Argumentative Strategies. *Argumentation*. 20 (1). pp. 29–58.
12. Weigand, E. (2006) Argumentation: the Mixed Game. *Argumentation*. 20 (1). pp. 59–87.
13. Nettel, A.L. & Roque, G. (2012) Persuasive Argumentation versus Manipulation. *Argumentation*. 26 (1). pp. 55–69.
14. O’Keefe, D.J. (2012) Conviction, Persuasion, and Argumentation: Untangling the Ends and Means of Influence. *Argumentation*. 26 (1). pp. 19–32.
15. Savtchouk, T.N. (2018) [Topical Tasks of Research of Scientific and Humanitarian Discourse in the Aspect of Argumentology]. In: *Professional'naya kommunikativnaya lichnost' v institucional'nykh diskursakh* [Professional Communicative Personality in Institutional Discourses]. Abstracts of the International Round Table. Minsk. 22–23 March 2018. Minsk: BSU. pp. 84–87. (In Russian).
16. Savtchouk, T.N. (2019) *Argumentatsiya v diskurse humanitarnykh nauk (na materiale russko- i belorusskoyazychnykh tekstov)* [Argumentation in the Discourse of the Humanities (on the Material of Russian- and Belarusian-language Texts)]. Philology Dr. Diss. Minsk.
17. Starostin, B.A. (2001) Nauka v mnogomernom prostranstve tsennostey [Science in a Multidimensional Space of Values]. *Naukovedenie*. 3. pp. 136–165.
18. Mikeschina, L.A. (2016) *Sovremennaya epistemologiya humanitarnogo znaniya: mezhdisciplinarnye sintezy* [Modern Epistemology of Humanitarian Knowledge: Interdisciplinary Syntheses]. Moscow: Rosspen.
19. Savtchouk, T. (2017) *Problema obosnovaniya tsennostey v humanitaristike: kognitivno-pragmaticheskiy podhod* [The Problem of Justifying Values in the Humanities: A Cognitive-pragmatic Approach] *Respectus Philologicus*. 31 (36). pp. 59–69.
20. Bally, Ch. (1961) *Frantsuzskaya stilistika* [French Stylistics]. Translated from French. Moscow: Izd. inostr. lit.
21. Rescher, N. (1998) The Role of Rhetoric in Rational Argumentation. *Argumentation*. 12 (2). pp. 315–323.
22. Volkov, A.A. (2013) *Teoriya ritoricheskoy argumentatsii* [Theory of Rhetorical Argumentation]. 2nd ed. Moscow: Dobrosvet, KDU.
23. Maslova, V.A. (1991) *Parametry ekspressivnosti teksta* [Expressiveness Parameters of the Text]. In: *Chelovecheskiy faktor v yazyke. Yazykovye mekhanizmy ekspressivnosti* [The Human Factor in the Language. Language Mechanisms of Expressivity]. Moscow: Nauka. pp. 179–204.
24. Walton, D. (2005) Deceptive Arguments Containing Persuasive Language and Persuasive Definitions. *Argumentation*. 19 (2). pp. 159–186.
25. Arutyunova, N.D. (1985) Ob ob'ekte obshchey otsenki [About the Object of General Assessment]. *Voprosy yazykoznaviya*. 3. pp. 13–24.
26. Eemeren, F.H. van. & Grootendorst, R. (1992) *Argumentatsiya, kommunikatsiya i oshibki* [Argumentation, Communication, and Fallacies]. Translated from English. Sankt-Peterburg: Vasil'evskiy ostrov.
27. Radbil', T.B. (2016) [Pragmatic Mechanisms of Linguistic Manipulation of Consciousness in Modern Russian Speech]. *Rusistika i sovremennost'* [Russian Studies and Modernity]. Proceedings of the 18th International Conference. Riga: Baltic International Academy. pp. 428–435. (In Russian).
28. Radbil', T.B. (2012) *Metazykovoy kommentariy kak sredstvo manipulyatsii adresatom* [Metalanguage Commentary as a Means of Manipulating the Addressee]. In: *Logicheskiy analiz yazyka. Adresatsiya diskursa* [Logical Analysis of Language. Discourse Addressing]. Moscow: Indrik. pp. 411–423.
29. Radbil', T.B. (2014) *Metazykovye pokazateli so znacheniem istinnosti v rechevykh strategiakh de re* [Metalanguage Indicators with the Value of Truth in Speech Strategies *de re*]. In: *Logicheskiy analiz yazyka: informatsionnaya struktura tekstov raznykh zhanrov i epok* [Logical Analysis of Language: Information Structure of Texts of Different Genres and Eras]. Moscow: Gnozis. pp. 137–148.

30. Alekseev, A.P. (2006) *Filosofskiy tekst: idei, argumentatsiya, obrazy* [Philosophical Text: Ideas, Argumentation, Images]. Moscow: Progress-Traditsiya.
31. Lissan, E.R. (2014) *Sushchestvuet li ritorika nauchnogo diskursa?* [Is There a Rhetoric of Scientific Discourse?]. In: *Diskurs i stil': teoreticheskie i prikladnye aspekty* [Discourse and Style: Theoretical and Applied Aspects]. Moscow: Flinta Nauka. pp. 233–240.
32. Avtonomova, N.S. (1999) *Zametki o filosofskom yazyke: traditsii, problemy, perspektivy* [Notes on the Philosophical Language: Traditions, Problems, Perspectives]. *Voprosy filosofii*. 1. pp. 13–28.
33. Ross, D. & Rossen-Knill, D. (2016) Features of Written Argument. *Argumentation*. 30 (2). pp. 181–205.
34. Khazagerov, G.G. (2010) Obessmyslivanie nauchnogo diskursa kak ob"ektivnyy protsess [Making Scientific Discourse Meaningless as an Objective Process]. *Sotsiologicheskij zhurnal*. 2. pp. 5–21.

Информация об авторе:

Савчук Т.Н. – д-р филол. наук, профессор кафедры прикладной лингвистики Белорусского государственного университета (Минск, Республика Беларусь). E-mail: tatyana.s77@list.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

T.N. Savtchouk, Dr. Sci. (Philology), professor, Belarusian State University (Minsk, Republic of Belarus). E-mail: tatyana.s77@list.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 05.02.2021;
одобрена после рецензирования 02.03.2022; принята к публикации 20.05.2022.*

*The article was submitted 05.02.2021;
approved after reviewing 02.03.2022; accepted for publication 20.05.2022.*